

Громила и дочь Шуша.

Жилъ былъ въ стародавнія времена ростовской воевода Громило. И имѣлъ вотъ этотъ самый Громило, окромя сыновей, одну только дочь Шушу. А была она, эта Шуша, и умная и пригожа, такъ-что въ пословицу вошло: „умна и пригожа, словно Шуша.“ А тотъ воевода Громило жилъ неподалеку отъ Ростовскаго озера (примѣрно сказать тамъ, гдѣ, теперь с. Козохово). Вотъ по близости его (Громилы) терема и *пондравилось* Шушѣ мѣсто при Гремучемъ ручьѣ: мѣстечко было такое красивое, раздольное да привольное! Тутъ она частехонько время проводила, на цвѣточки-кусточки любуясь, да къ себѣ добрыхъ молодцовъ поджидая: извѣстно, дѣло дѣвичье—о женихахъ, красныхъ молодцахъ, думу

думати. И такъ ей, значить, это самое мѣсто *пондравилось*, что въ нѣкоторый часъ она проситъ своего родителя: „Родимой батюшко! построй мнѣ—своей дочери, дѣвкѣ съ соболиной бровью, съ горячей кровью, съ сахарными устами, надъ здѣшними мѣстами высокъ-свѣтелъ теремъ, чтобъ здѣсь я всю дѣвичью жизнь провела и полюбовничковъ-бы не завела.“ Все сдѣлано, какъ по писанному. Созвали всякаго народу-сброду, кого съ борку, кого съ сосенки: и каменщикъ тукъ-тукъ! и плотникъ тукъ-тукъ! Выстроился высокъ-свѣтелъ теремъ. Вотъ и проситъ слезно опять младая Шуша своего отца: „А позволь ты мнѣ, батюшко Громило, чтобъ здѣсь мнѣ было и легко и мило—разрѣши собрать подруженекъ-

голубушекъ, вмѣстѣ мы будемъ вѣкъ вѣковать, по женихамъ какъ кукушки куковать.“ И позволилъ то ростовской воевода Громило. Какъ вошла во свой

свѣтель теремъ Шуша со своими младыми подружками, такъ и ахнула: „*Я весь вѣкъ сидѣть здѣсь буду!*“ Похвалилась она, да не ко времени. А въ ту пору

Шуша со своими подружками.

Рисунокъ Л. Альбрехтъ.

княжилъ въ великомъ градѣ Ростовѣ Глѣбъ Юрьевичъ Долгорукой. А ему ростовцы плохо повиновались, надъ нимъ издѣвались: „Намъ тебя, княже, ненадо, а пришлетъ пусть до насъ великій князь Юрій младое чадо, своего другого сына-ходунка (?)... Въ томъ и били они челомъ великому князю Юрію съ великой честью. А, на грѣхъ, дѣло позамѣшкалось. Бѣда случилась не малая: напалъ на Ростовскую Землю князь Михаилъ Зьяла и разграбилъ онъ теремъ Громилы и свѣтлицу Шуши за то самое, что Громило не хотѣлъ выдать ее за его сына, за князя Константина Зьялу. Вельми распалилъ свое сердце и Шушу полюбилъ. А когда онъ переходилъ со дру-

жиной черезъ Нерль рѣку, повстрѣчался съ нимъ незнакомый воинъ на бѣломъ конѣ, выхватилъ Шушу, отвезъ ее домой во свѣтлицу, да и былъ таковъ: въ лѣсу скрылся. А Громило сталъ развѣдывать, спрашивать у добрыхъ людей, у ростовскихъ мужиковъ: не знаете-ли вы, добрые люди, ростовскіе мужики, кто это этотъ славный и могучій богатырь на бѣломъ конѣ, какъ его звать по имени, какъ величать по отечеству?— Никто знать не знаетъ, вѣдать не вѣдаетъ. Стали думать, да гадать, и додумались, что это былъ великомученикъ Георгій, никто какъ онъ. И поставилъ воевода Громило во имя великомученика Георгія церковь деревянную близъ свѣт-

Шуша стала ходитъ въ церковь Божію и
увидала тамъ ннзя Ингваря.

Рисунокъ Л. Альбрехтъ.

Шуша таяла какъ свѣчка передъ иконой
святой.

Рисунокъ Л. Альбрехтъ.

Воинъ на бѣломъ конѣ выхватилъ
Шушу, отвезъ ея домой.

Рисунокъ художника Л. Альбрехтъ.

лицы дочерниной; а во той во свѣтлицѣ ей ужъсидѣть понаскучило; и стала она о чемъ-то тосковать-горевать, и таяла какъ свѣчка передъ иконой святой. И рѣшили добрые люди, ростовскіе мужики что ее сглазили. А дѣло было простое, нехитрое, дѣло дѣвическое: пріѣхалъ къ Громилѣ на праздникъ въ гости князь Глѣбъ, а съ нимъ пріѣхалъ молодой черниговской князь Ингварь (Игорь), который, вотъ, и приглянулся Шушѣ, словно корнемъ приворотнымъ приворожилъ. А ростовской воевода по дочери своей плакалъ и тужилъ, и перевелъ ее во свой городской теремъ; и стала она ходить въ церковь Божию, и увидала тамъ князя Ингваря. Прошла она мимо сего молодого князя и зацѣпила (sic!) за него своей одеждой, будто ненарокомъ. И взгля-

нулъ на нее молодой князь Ингварь, и узналъ въ ней красную дѣвицу, что видѣлъ у воеводы Громилы. Распалилось его сердце молодецкое: какъ тутъ быть, чтобы красную дѣвицу добыть?—А у боярышенъ нянюшки-мамушки догадливы, на златую казну повадливы. И уладила дѣльцо нянюшка-мамушка, свела добра молодца съ красной дѣвицей. Стали они вдвоемъ ночи коротать, другъ-друга за бѣлы руки хватать. Вотъ и молвилъ таково слово князь Ингварь: „Отдай за меня дочку, воевода Громило, а не то будетъ всѣмъ намъ не мило, и твоей сѣдой бородѣ не великая честь, что успѣлъ я къ твоей дочери въ свѣтлый теремъ залѣзть.“ Нечего дѣлать. Согласился Громило волей-неволей.—А въ то время пожаловалъ въ Ростовъ ко

князю Глѣбу драгой гостѣ, братъ его князь Мстиславъ, и увидалъ онъ разѣ тоѣ самое Шушу, и полюбилъ ее, и сталъ свататься. Хорошъ былъ женишокъ, да за дѣвкой водился грѣшокъ. Пришлось воеводѣ Громилѣ отказать на отрѣзъ: „Пошто, княже, за чужой невѣстой полѣзъ? Пошто опоздалъ? Допрежде тебя заклевалъ у меня дочку-дѣвицу, младую голубицу, другой младъ ясенъ соколъ, князь Ингваръ. О томъ ты знай и вѣдай, а за чужимъ столомъ не обѣдай: голоденъ будешь, княже!“ И поѣхалъ вскорѣ воевода Громило къ великому князю звать его къ себѣ на свадьбу; а въ ту пору, какъ былъ у великаго князя, явился третій женишокъ, неprovѣдавшій про дѣвичій грѣшокъ, князь Василій, родной братъ князя Мстислава, удалая голова. Не долго думая-гадая, полюбилъ

онъ Шушу, что свою собственною душу, и увезъ ее обманомъ изъ родительскаго дома, и скрылъ ее у боярина Челига (неподалеку отъ рѣки Москвы, гдѣ нынѣ Веска, Вошажниковской волости). А Мстиславъ князь туда прискакалъ: значить, пронюхалъ, гдѣ его дѣвица живетъ. И сталъ упрашивать ее, улесчать, уговаривать. И не имѣлъ никакой удачи; даромъ истрепалъ хвостъ у своей княжеской клячи! А кляча та сто рублевъ стоила. А Шуша его такимъ отвѣтомъ удостоила: „Тебѣ княже, дѣвку смущать не пригоже; пожалуй, получишь кулакомъ по княжеской рожѣ. А у меня тяжелая рука: вотъ я дамъ тебѣ тумака! Сотвори лучше благо, отвези меня домой къ батюшкѣ огорченному да къ моему мужу нарѣченному. Сдѣлай милость!“ А жена боярина Челиги, злющая баба, даетъ князю

Шуша его такимъ отвѣтомъ удостоила:
„Тебѣ, княже дѣвку смущать не пригоже“.

Рисунокъ художника Л. Альбрехтъ.

Мстиславу такой совѣтъ: „Повремени. мой свѣтъ! Дѣвичье сердце переменчиво. Твоя будетъ!—И узналъ о томъ, провѣдалъ самъ великій князь Юрій Долгорукой, и зело распалился гнѣвомъ на сына, и послалъ его съ Великимъ Новгородомъ воевать, заказалъ съ чужими невѣстами баловать. А потомъ и князь Глѣбъ не сталъ даромъ ѣсть ростовскій хлѣбъ, ушолъ на помощь къ князю Мстиславу, добывать себѣ честь и славу. Вмѣстѣ съ нимъ ушолъ и князь Ингварь. Малое время спустя, заключили перемиріе. А въ ту пору, какъ кровь людская неповинная христіанская литься на время перестала, князь Ингварь пировалъ въ гостяхъ у новгородскаго князя, а князь Мстиславъ поѣхалъ на охоту, стрѣлять птицъ изъ лука по быстрому полету. А

не задолго передъ тѣмъ случилась между ними свара (ссора): укорилъ князь Мстиславъ князя Ингваря съ великой издѣвкой, что онъ не повѣнчался съ Шушей, распрекрасною дѣвкой. И захотѣлъ ему князь Ингварь зѣло отомстить, и поскакалъ онъ въ лѣсъ за Мстиславомъ княземъ. А лѣсъ тотъ былъ дремучій; и услыхалъ онъ во томъ во дремучемъ лѣсу звѣриный вой, человѣческій стонъ; и видитъ звѣря дюжаго, матераго, медвѣдя мохнатаго; и держитъ медвѣдь въ лапахъ князя Мстислава, инда косточки хрустятъ, стонъ такой—какъ людей холостятъ. Позабылъ онъ Мстиславину грубость; убилъ звѣря дюжаго, матераго спасъ жизнь Мстиславу князю. А тотъ молвилъ ему съ великимъ земнымъ поклономъ: „Прости меня, будемъ братьями.

Князь Ингварь убилъ звѣря и спасъ жизнь Мстиславу.

Рисунокъ Л. Альбрехтъ.